

Андрей Белый

Северная симфония

Симфонии

Андрей Белый

Северная симфония

«Public Domain»

1917

Белый А.

Северная симфония / А. Белый — «Public Domain»,
1917 — (Симфонии)

«Большая луна плыла вдоль разорванных облак. То здесь, то там подымались
возвышения, поросшие молодыми березками. Виднелись лысые холмы,
усеянные пнями. Иногда попадались сосны, прижимавшиеся друг к другу в
одинокой кучке...»

Содержание

Вступление	5
Первая часть	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Андрей Белый

Северная симфония

(1-я, героическая)

Посвящаю Эдвардсу Григу

Вступление

Большая луна плыла вдоль разорванных облак.
То здесь, то там подымались возвышения, поросшие молодыми березками.
Виднелись лысые холмы, усеянные пнями.
Иногда попадались сосны, прижимавшиеся друг к другу в одинокой кучке.
Дул крепкий ветер, и деревья махали длинными ветками.
Я сидел у ручья и говорил дребезжащим голосом:
«Как?.. Еще живо?.. Еще не уснуло?»
«Усни, усни... О, разорванное сердце!»
И мне в ответ раздавался насмешливый хохот: «Усни... Ха, ха... Усни... Ха, ха, ха...»
Это был грохот великана. Над ручьем я увидел его огромную тень...
И когда я в испуге поднял глаза к шумящим, мятежным вершинам, из сосновых вершин
глядел на меня глаз великана.
Я сидел у ручья и говорил дребезжащим голосом:
«Долго ли, долго ли колоть дрова?.. И косить траву?»
И мне в ответ раздался насмешливый хохот: «Ха, ха... Косить траву?.. Ха, ха, ха...»
Это был грохот великана. Над ручьем стояла его огромная тень...
И когда я в испуге поднял глаза к шумящим вершинам, меж сосновых вершин кривилось
лицо великана...
Великан скалил белые зубы и хохотал, хохотал до упаду...
Тогда я весь согнулся и говорил дребезжащим голосом: «О я, молодой глупец, сын и
разбитая шарманка...
«Разве сломленная трость может быть годна для чего иного, кроме растопки печей?
«О ты, туманное безвременье!»
...Но тут выпрыгнул из чащи мой сосновый знакомец, великан. Подбоченься, он глу-
мился надо мной...
Свистал в кулак и щелкал пальцами перед моим глупым носом.
И я наскоро собрал свою убогую собственность. Пошел отсюда прочь...
Большая луна плыла вдоль разорванных облак...
Мне показалось, что эта ночь продолжается века и что впереди лежат тысячелетия...
Многое мне мерещилось. О многом я впервые узнал...
Впереди передо мной на туманном горизонте угрюмый гигант играл с синими тучами.
Он подымал синий комок тучи, мерцающий серебряными громами.
Он напрягал свои мускулы и рычал, точно зверь...
Его безумные очи слепила серебряная молния.
Бледнокаменное лицо полыхало и мерцало от внезапных вспышек и взрывов...
Так он подымал клочки синих туч, укрывшихся у его ног...
Так он рвал и разбрасывал вокруг себя тучи, и уста мои слагали грозные песни...
И видя усилие титана, я бессмысленно ревел.

Но вот он поднял на могучие плечи всю синюю тучу и пошел с синей тучей вдоль широкого горизонта...

Но вот надорвался и рухнул угрюмый титан, и бледнокаменное лицо его, полыхающее в молниях, в последний раз показалось в разрыве туч...

Больше я ничего не узнал о рухнувшем гиганте... Его раздавили синие тучи...

И когда я плакал и рыдал о раздавленном гиганте, утирая кулаками слезы, мне шептали ветреной ночью: «Это сны... Только сны...»

...«Только сны»...

Сокрушенный, я чувал, как дух безвременья собирался запеть свои гнусные песни, хороня непокорного гиганта.

Собирался, но не собрался, а застыл в старческом бессилии...

...И вот наконец я услышал словно лошадиный ход...

Кто-то мчался на меня с далекого холма, попирая копытами бедную землю.

С удивленьем я узнал, что летел на меня кентавр Буцентавр... держал над головой растопыренные руки... улыбался молниевой улыбкой... чуть-чуть страшной.

Его вороное тело попирало уставшую землю, обмахиваясь хвостом.

Глубоким лирным голосом кентавр кричал мне, что с холма увидел розовое небо...

...Что оттуда виден рассвет...

Так кричал мне кентавр Буцентавр лирным голосом, промчавшись, как вихрь, мимо меня.

...И понесся вдаль безумный кентавр, крича, что он с холма видел розовое небо...

...Что оттуда виден рассвет...

Первая часть

Весеннюю ночью умирал старый король. Молодой сын склонился над старым.

Нехорошим огнем блистала корона на старых кудрях.

Освещенный красным огнем очага, заговорил король беспросветною ночью: «Сын мой, отвори окно той, что стучится ко мне. Дай подышать мне весною!»

«Весною...»

Ветер ворвался в окно, и с ветром влетело что-то, крутя занавеской.

Одинокий прохожий услышал, как умирали в окне старого замка. И были такие слова из окна: «Еще порыв, и я улечу... Будешь ты славен и могуч, о сын мой!»

«Ты выстрой башню и призови к вершинам народ мой... Веди их к вершинам, но не покинь их... Лучше пади вместе с ними, о, сын мой!»

Перестала колыхаться занавеска в готическом окне замка: вся поникла.

И не знал прохожий, что было, но понял, что – ночь.

Беспросветная ночь...

Стаи северных богатырей собирались к древнему трону, а у трона король молодой говорил новые речи, обнимая красавицу королеву, юную жену свою.

Зубцы его короны и красная мантия сверкали, когда он встряхивал вороными кудрями – весь исполненный песни.

Он говорил о вершинах, где вечное солнце, где орел отвечает громам.

Приглашал встать над пропастями.

Он говорил, что туманы должны скрыться, сожженные солнцем, и что ночь – заблуждение.

Огненным пятном горели одежды королевские пред тронном, а кругом стояла гробовая тишина.

Хмурились воины, потому что он говорил о сумраке рыцарям сумрака, и только юная королева восторженно слушала эти песни.

Солнце село. В готические окна ворвался багрово-кровавый луч и пал на короля. И казался молодой король окровавленным.

В ужасе королева отшатнулась от супруга своего.

Усмехались седые фанатики, сверкающие латами по стенам, радуясь желанному наваждению.

Из открытых дверей потянулись вечерние тени, и стая северных богатырей окунулась в тень.

И сквозь тень выступали лишь пасмурные лица закованных в сталь фанатиков, искаженные насмешливой улыбкой.

А кругом была тишина.

Поник головою король. Черные кудри пали на мраморный лоб.

Слушал тишину.

Испугался. Забыл слова покойника. Убежал с королевой из этих стран.

Они бежали в северных полях. Их окачивало лунным светом.

Луна стояла над кучкой чахлах, северных берез. Они вздохнули в безысходных пустотах. Королева плакала.

Слезы ее, как жемчуг, катились по бледным щекам.

Катились по бледным щекам.

И тоска окутала спящий город своим черным пологом. И небо одиноко стыло над спящим городом.

Туманная меланхолия неизменно накреньяла деревья, Стояли деревья наклоненные.

А на улицах бродили одни тени, да и то лишь весною.

Лишь весною.

Иногда покажется на пороге дома утомленный долгим сном и печально слушает поступь ночи.

И дворы, и сады пустовали с наклоненными деревьями и с зелеными озерами, где волны омывали мрамор лестниц.

Иногда кто-то, грустный, всплывал на поверхность воды. Мерно плывал, рассекая мокрой сединой водную сырость.

На мраморе террасы была скорбь в своих воздушно-черных ризах и неизменно бледным лицом.

К ее ногам прижимался черный лебедь, лебедь печали, грустно покрикивая в тишину, лапаясь.

Отовсюду падали ночные тени.

Почивший король приподнял мраморную крышку гробницы и вышел на лунный свет.

Сидел на гробнице в красной одежде, отороченной золотом и в зубчатой короне.

Увидел грусть, разлитую по городу, и лицо его потемнело от огорчения.

Он понял, что его сын бросил эту страну.

И он пригрозил убежавшему сыну мертвой рукой и долго сидел на гробнице, подперев усталой рукой старую голову.

А молодой король с королевой бежал в одиноких полях. Их окачивало лунным светом.

Луна стояла над кучкой чахлых, северных берез, и они вздохнули в безысходных пустотах.

Король плакал.

Слезы его, как жемчуг, катились по бледным щекам.

Катились по бледным щекам.

Наконец, они углубились в леса и много дней бежали между деревьев. Стволистая даль темнела синевой. Между стволов ковылял козлоногий лесник, пропадая где-то сбоку.

Еще водились козлоногие в лесу.

Но они не смущались, и когда нашли лесную поляну с одинокой мраморной башней на ней, то начали взбираться на вершину великой мраморной башни.

Много веков в этих странах тянулись к вершинам, но король с королевой впервые восходили к вершине мраморной башни.

Утро смотрело на них хмурым взором, когда они поднимались по витой беломраморной лестнице, заглядывая в боковые окна.

Да леса качались, да леса шумели. Леса шумели.

Шумели,

Еще не было зари, но мерцал бледный, утренний свет. Что-то свежее звучало в реве деревьев, что, прошумев, вздрагивали и застывали в печалах.

Король с королевой были уже над лесами: открывалась даль стонущих сосен и лесных, холмистых полей в тумане.

Вон там, на горбатой поляне, одинокая сосна, обуреваемая ветром, беззвучно кивала вдаль.

Свободная птица, пролетая сбоку, приветствовала их на высоте резким возгласом.

Встали туманы, пригретые лаской. Башня выходила из розовой мглы. На вершине ее была терраса с причудливыми, мраморными перилами.

На вершине король в красной мантии простирал руки востоку.

Королева улыбалась.

Алмазные слезы капали из пролетающей тучи. Низкое темное облако прошло на туманный запад.

А прямо была лазурь свободная и бледно-голубая,

В тот час родилась королевна. Пала красная мантия на мрамор перил. Король, весь в белом шелку, весь в утренних, алмазных искрах, молился над ребенком своим.

И навстречу молитве сияла голубая бесконечность, голубая чистота восходящей жизни.

Король пел над ребенком своим. Он с каждым аккордом срывал со струн розу.

И день проходил. Стая лебедей потянула на далекий север. Звезды – гвозди золотые – вонзались в сапфировую синь,

С песней уснул король над ребенком своим. Уснула и мать над ребенком своим.

Они были одни, одни во всем мире.

Вечность строгою птицею летала во мраке ночном.

Королевна росла на вершине.

Бывало, мать, вся в шелку, говорит ей чудесные слова, отец молится на заре.

А вдали летят белые лебеди, окруженные синевой, и она следит, как исчезают они в мимолетном облачке, как кричат в белоснежном облачке.

И она склоняет голову на плечо к матери. Закрывая синие очи, слушает песни отца.

Отец срывает со струн розу за розой... Алые, белые – летят они вниз, освещенные легкой зарею.

Жемчужные слезы каплют из пролетающей тучки, а деревья шумят в тумане на заре.

И маленькой королевне кажется, что она получает невозможное, и она подпевает королю-отцу.

В голосе ее – вздох прощенных после бури, а в изгибе рта – память о далеком горе: точно кто-то всю жизнь горевал, прося невозможного, и на заре получил невозможное и, успокоенный, плакал в последний раз.

Но раз вплелась печаль в песни отца, в песни короля. И только белые цветы, белые и смертельно бледные, слетали со струн.

И король поник и сидел без кровинки в лице.

Точно он, король, почуял лёт бесшумного темного лебеда из родимых стран. Звали темного лебеда лебедем печалей.

Так жили они на вершине башни, упиваясь высотой в своем одиноком царстве.

Серебро блеснуло в кудрях у короля. Морщины бороздили лицо матери.

За летом наступала осень. Темные тучи отражались в реке, блиставшей свинцовыми полосами.

Одинокая сосна плыла вдаль опущенной вершиной. Серый туман заволакивал вершины деревьев.

Уходили жить под террасу в изразцовую комнату. Изредка прогуливались вдоль террасы.

Королевна выходила в теплом одеянии, отороченном горностаем. Почтенный король прятал свои руки в рукава от стужи.

Он любил топтаться на месте, согреваясь. Его нос становился красным. Оглядывая окрестности, он говаривал королевне: «Скоро выпадет снег».

Пролетали и каркали вороны.

Надвигалось ненастье. Мать сживала у окна в изразцовой комнате. Не смела выйти на осенний холод – вся седая, вся строгая, вся покорная судьбе.

Отец поговорит о минувшем горе. Голову склонит. Стоит опечаленный.

Тогда прилетал лебедь темный и садился на перила террасы.

Королевна боялась лебедя темного. Звали лебедя лебедем печален.

А потом проливались ливни. Стояла сырость. Приходила северная зима. Блистала по ночам у горизонта полярным сиянием.

Над лесными вершинами пролетал ветер, Ревун, сжимая сердце смутным предчувствием.

Было тепло и уютно в изразцовой комнатке. Была изразцовая комнатка с очагом, тихо плавающим, с мехами по стенам, с парчовыми и бархатными лавками.

Здесь, прижавшись друг к другу, коротали зиму.

А над головою словно ходили... Раздавались шаги на террасе. Словно отдыхал один из холодных летунов замороженного полюса.

А потом вновь летун срывался, продолжая хаотическую бредню.

В изразцовой комнатке слушали вьюгу и не жаловались. Только в окошке стоял плач, потому что оттуда била тусклая мгла и там мелькали бледные вихри.

Молодая девушка дремала на коленях державной матери. Отец, сняв свою красную одежду и оставшись в белом шелку и в короне, безропотно штопал дыры на красной одежде и обшивал ее золотом.

Раз в год ночь зажигалась огнями: невидимые силы возжигали иллюминацию. Сквозь морозные узоры из окна рвался странный свет. Всюду ложились отсветы и огненные знаки.

Король подходил к королевне в своей заштопанной одежде, обшитой золотом. Трепал по плечу. Говорил, сдерживая улыбку: «Это рождественская ночь...»

Иногда в окнах пропадали морозные узоры. Чистая ночь смотрела в окно.

В глубине ночи – в небесах – горели и теплились иные, далекие миры.

Приникнув к окошку, все втроем любовались небом, вели речь о лучшем мире.

А потом начинались первые весенние приветы.

Так проходил год за годом.

А в далеких северных полях одиноко торчал сонный город, повитый грустью.

Почивший король все сидел на гробнице, поджидая убежавшего сына. Шли года, а сын не возвращался.

Тогда мертвец сжал в руке своей жезл и гордо пошел к одинокому дворцу, возвращался обратно, влача за собой пурпур мантии.

Вот уже он всходил по мраморной лестнице, над которой повисло странное облако. Вот он уже входил в тронную залу. На тяжелом троне восседал Мрак, повелитель этой страны.

И старик сел на трон и призвал черного лебедя. И говорил лебедю своим глухим, холодным голосом: «Лети к моему неверному сыну и зови его сюда... Здесь погибают в его отсутствии».

«Скажи ему, что я сам встал из гроба и сел на трон в ожидании его»...

Лебедь вылетел в открытое окно. Взвился над царским садом. Задел наклоненное дерево... И дерево вздрогнуло и, вздрогнув, опять уснуло.

Светало. В готические окна пал красный луч. Со стен равнодушно взирали изображения пасмурных рыцарей.

На троне сидел мертвый владыка, поникший и столетний, заалевший с рассветом.

Весенней ночью король с королевой сидели на вершине башни в зубчатых коронах и красных, заштопанных мантиях.

Королевна стояла у перил, вдыхая весну. Она была красавица севера с синими глазами и с грустной улыбкой, таящей воспоминания.

Король запел свои песни старческим голосом, пытаясь проводить дрожащими пальцами по струнам лютни.

Со струн сорвался только один цветок, да и тот был бледен, как смерть.

И король поник.

На зубцы короны сыпался вечерний блеск. Они горели, будто вспыхнувший веночек алых маков.

Запахнувшись в свой пурпур и увенчанный маками, чуял он бесшумный лет птицы из родимых стран.

А в небесах летал черный лебедь и манил за собою короля. Он пел о покинутом народе и звал на далекую родину... От этого зова деревья, колыхаемые, уплывали вдаль сонными вершинами.

Король сидел со стиснутыми губами. Черная тень его распласталась на мраморе террасы. Уже месяц – белый меланхолик – печально зиял в вышине.

И вот он встал. Простирал руки окрестностям. Он прощался. Уходил на родину.

Говорил жене и дочери: «Возлюбленные мои; зовут из туманной дали...»

«Мой народ зовет... Мой народ в темноте, в убожестве... Зовет».

«Скоро приду... Скоро увижусь с вами... Приведу народ из туманной дали...»

«Не горюйте, о, возлюбленные мои!»

И король стал спускаться в низины по витой, беломраморной лестнице, и королевна простирала ему свои тонкие, белые руки, прощаясь с отцом, но ее удерживала мать; слезы текли из глаз державной матери, застывали в морщинах.

И сам король закрывал морщинистое лицо свое красным рукавом. Он не раз останавливался на витой лестнице.

Заглядывал в башенные оконца. Видел черного лебедя, распластанного в небе. И не смел вернуться.

Спускался все ниже. Закрывалась даль стонущих изогнутых сосен.

Что-то шумело кругом свежим ревом. Когда оно отходило вдаль, деревья будто прислушивались к уходящим порывам.

Скоро увидели короля внизу, внизу на лесной поляне. Он казался совсем маленьким.

Он махнул рукою и что-то кричал. Ветер отнес в сторону его слова. Он ушел в лесную глушь.

Восточная туча, всю ночь залегавшая на горизонте, вспыхнула утренним огонечком. Королева утешилась.

Низкое темное облако прошло на туманный запад; оттуда перестали капать алмазные слезы.

Утешенная королева напевала, хлопая в ладоши: «Еще придет... Еще увидимся с ним...»

Стволистая даль темнела синевой... В лесу заплутался усталый король. Его пурпур был весь изорван и зубья короны поломаны.

Он не мог выбраться ни в далекие, северные поля, чтобы идти к родному городу, ни вернуться назад.

Он горевал о покинутых.

Стволистая даль темнела синевой.

У серебряного ручейка отдыхал сутулый колосс, одинокий в этом мире.

Ведь он был только сказкой.

Часы текли за часами. Холодная струйка ручейка прожурчала: «Без-вре-мье...»

Колосс встал. Забродил по окрестностям. Одинокий! Непонятный!..

Снега горбатых гор сверкали лиловым огнем.

Лебеди знакомой вереницей на заре тянулись к далекому северу.

Королева вышла на террасу башни в легких розовых шелках. Старая мать шепталась и грезила в изразцовой комнатке.

И показалось молодой королевне, что она – одинокая.

Одинокая.

В девственном лесу плутал король – растоптанный веноч ароматных роз.

Стволистая даль темнела синевой.

Меж стволов ковылял козлоногий лесник. Пропадал где-то сбоку.

Еще водились козлоногие в лесу.

Иногда земля дрожала от тяжелой поступи прохожего гиганта.

Протекал ручей. Журчал и сверкал. У ручья опустился усталый король.

Печаль образом темным встала над ним.

Старое лицо, изрытое морщинами, глядело из воды: это было отражение в ручье.

Понял он, что – старик, умирает. Не увидится с ними.

Кричал: «Возлюбленные мои...»

Мечтательные призраки всколыхнулись над ручьем. Роптали и смеялись над бесцельной старостью.

Томимый жаждою, пригнулся к ручью. Колыхалось отражение в ручье.

Старый лик дрожал на волнах...

Над лесными вершинами замирал голос прохожего гиганта.

Печаль, успокоенная, невидимо стояла над королем. Король опустил венчанную голову. Закрыв глаза.

Столетний владыка сидел на троне, окровавленный рассветом. В дворцовое окошко влетел черный лебедь и заговорил:

«Не жди сына. Погиб от бессилия. Заплутался в лесных чащах, возвращаясь на родину...»

«Видел я башню. Там сидит твоя внучка, красавица королева – одинокий, северный цветок...»

«Одинокий, северный цветок...»

И державный покойник сказал, вздохнув глубоко: «Буду ждать королеву, свою внучку – одинокий, северный цветок...»

«Одинокий, северный цветок...»

Улыбнулся мертвой улыбкой.

Деревья горевали. Облака, встревоженные и удивленные, тащились по вершинам сосен, словно клочки белой ваты.

Всю ночь горевали и шумели на заре...

Утром королева вышла на вершину башни. Она узнала, что скончался отец.

Сидя на перилах, тихо плакала о родном покойнике, а лебеди тянулись знакомой вереницей из далеких стран.

Была юная весна.

Настал вечер. На закате еще оставалось много матового огня и еще больше золота. Там протянулась гряда туч, спокойных и застывших... и горела золотом.

Ветер понемногу сгонял и огонь и золото: нагонял синий вечер.

Легкий пар встал над лугами и лесами. Потянул холодный ветерок. Она дрожала от пропавшей свежести. Закрывала ясные очи. Долго задумывалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.